

«МНЕ

ПОДАРИЛИ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ»

Кувальдра. — 1991. — 12 окт. — с. 5.

Многоликий
Борис Иванов...

Маленький, невзрачный, неопрятно одетый человек бежит по крутому склону. В его глазах страх и одно-единственное желание: оказаться в эту минуту как можно дальше. Он движется навстречу собственной смерти...

Респектабельный, подтянутый, в смокинге, белых перчатках господин, одинаково уютно чувствующий себя в домашнем и министерском кресле. Не суетлив, степенен, способен любое неприятное известие выслушать, не теряя чувства собственного достоинства.

Первый — итальянец Джиро, из фильма «Мираж», второй — англичанин — сэр Джулиус из фильма «Чисто английское убийство». Несмотря на то, что это два совершенно разных образа, люди разных национальностей, классовых принадлежностей, характеров и взглядов на жизнь, оба они очень точно сыграны одним и тем же человеком — народным артистом РСФСР Борисом Ивановым.

— Борис Владимирович, за 50 лет работы вы переиграли множество ролей, но больше всё отрицательные, не так ли?

— Так, если собрать всех моих героев, которые предавали, топили, стреляли, получится огромная банда негодяев. Я не вижу причин отказываться от таких ролей: отрицательный герой или следит за кем-то, или строит козни, или сам опасается чего-то. Он все время что-то делает, а хлеб актера — это действие. В такой роли важны не столько слова, сколько поступки. Мне нравится играть, а не рассуждать.

22 июня 1941 года выпускник Одесского театрального училища Борис Иванов должен был участвовать в дипломном спектакле. В полупустом зале, он все же сыграл в веселой комедии. Потом были истребительный батальон, Северо-Западный фронт, ужас первых военных дней. О смерти не думал ни на передовой, ни в разведке, ни тогда, когда получил сразу 22 раны и лежал на поле боя. Он верил, что выживет. Больше того, упрямо верил, что снова выйдет на сцену. Очевидно, упрямой была и женщина врач, — она вернула солдата с того света. Много лет спустя на своем творческом вечере в Ленинграде он получил от нее записку. Прочитал только потом, в гостинице. В ту ночь Борис Владимирович вспомнил все заново: дерево, под которым упал, теплую избу, где, теряя сознание, бредил и стонал, руки врача, снимающие боль. С трудом дождавшись утра, помчался в магазин. Цветов не было. Он показал записку. Молодая продавщица, расплакавшись, позвонила подруге, та еще кому-то. С огромным букетом он пришел по указанному адресу. И напомнила ему тогда милый доктор его же слова: «Жить останусь — каждую минуту буду ценить». Этой клятве он верен всю жизнь. И вообще считает, что получил бесценный подарок — размером в 50 лет.

— Приходилось ли вам играть военных людей?

— Только с «той» стороны: всех: генералов, офицеров, полковых, штабных, морских, авиационных, шпионов, лазутчиков. Как-то, работая в совместном советско-немецком фильме, я познакомился с их директором, он был без руки; а у меня рука с войны сильно травмирована. В перерыве между съемками за кружкой пива мы обнаружили, что были во время войны на одном и том же фронте в одно и то же время, то есть стреляли друг в друга, и я сказал ему: «Неужели нам нужно было остаться без рук, чтобы понять, что мы можем вместе работать?»

— Чем объяснить, что вы, такой добродушный человек, играете уголовников?

— Очевидно, таким меня видят режиссеры. — Был такой немецкий актер, он все время играл Гитлера. Он приезжал на съемки с женой и собачкой. Это был безобиднейший тихоня, жена очень следила за его здоровьем, готовила ему какие-то каши, пюре, бульоны.

— А как вы относитесь к своим... не очень умным персонажам?

— Я их люблю. Глупых играть — не валять дурака, а играть — очень трудно. У глупого есть большая работа: выглядеть умным, а это изнурительный труд. Он должен следить за своей речью, чтобы не ляпнуть чего-нибудь. У меня был один такой персонаж, он так напряженно думал, — до сих пор вспоминаю с удовольствием!

Так было заведено не только в семье Ивановых. Время было тяжелое, многие школьники в каникулы подрабатывали. Боря работал на мельнице, электростанции, в книжном магазине, был даже кастрюльником на танкере — попросту чистил картошку — очень, очень много «лушпаек». Но попав однажды в статисты оперного театра, не только каникулы, но и все вечера стал проводить там. Мальчик обладал абсолютным слухом, одно время учился игре на виолончели, он знал все арии наизусть, мог воспроизвести любой музыкальный фрагмент.

— У вас прекрасный голос, многие песни в фильмах вы поете сами, а на сцене театра вам приходится петь?

— Я пел в спектакле «Карнавал», а сейчас в спектаклях «Кафе Превьера» и в «Иисус Христос суперзвезда». Совсем недавно произошел такой случай. Там у меня большая музыкальная партия, пою я «живьем», и вдруг отказал микрофон, мне пришлось не останавливаясь ни на секунду, продолжать петь так громко, чтобы было слышно на галерке. На возвышение, на котором я стоял в тот момент, поспешил актер с микрофоном, но, когда он дополз до меня, я уже все спел, чем и горжусь.

— А это правда, не анекдот? Я потому спрашиваю, что актеры такой народ, любят байки, а уж лично у вас такая репутация...

— Знаю, знаю, говорят, если в холле театра собрались трое и хохочут, значит, один из них Иванов.

— А для нас расскажете смешной случай, анекдот?

— Так сразу? Ну, вот на съемках был эпизод: я открываю бутылку шампанского, и мы с партнером выпиваем по бокалу. Если вы думаете, что это легкое дело, то ошибаетесь. Было лето, жара 30 градусов. Я открывал так долго, что у оператора занемели руки. При втором дубле бутылку разогрели у осветительных приборов, я открыл довольно легко, но струя залила все в радиусе двух метров. В следующем дубле — опять накладка. Я открыл бутылок пять, и каждый раз мы выпивали по бокалу. Жена, перед которой я появился с лицом цвета спелой сливы, долго пыталась понять, откуда это я. Я говорю: с работы...

— Но вообще-то вы столько работаете, что можно и без шампанского с ног свалиться.

— Я не знаю, как другие, у каждого своя точка зрения, но я привык жить в таком ритме: утром репетиции, днем запись или съемка, вечером спектакль. Я бы не смог выйти на сцену только три раза в месяц, я бы так волновался перед каждым спектаклем, что умер бы на втором, не дожив до третьего. Я играю практически каждый третий день, едва успеваю отдышаться, но это меня не угнетает, наоборот, я разогрет, не растеряюсь. Это среда, где я могу существовать, мне уютно на сцене.

— Вы же еще и активно «звучите» на радио. Миллионам людей, никогда вас не видевших, голос ваш знаком до боли. Кем вы только не были в радиоспектаклях, радиопередачах! А читать «очно» вы не пробовали?

— Пробовал. Один раз. Я так плохо чувствовал себя на этой огромной, пустой сцене, мне казалось, что зрители неинтересны, они хотят, чтобы я скорее ушел. Это был мой первый и последний опыт.

В Театре имени Моссовета, где Борис Владимирович Иванов работает с 1942 года (!), его любят. Доброжелательный, легкий человек, говорят коллеги. Он стремителен на сцене, азартен на съемочной площадке, свободно общается с людьми. Всегда энергичен, всегда в хорошем настроении, ну не чудо ли?

— Что вас интересует, кроме профессии?

— Все! Мне интересно жить. Ритм, в котором я существую, не позволяет мне расслабляться. От жизни нельзя отдыхать, жизнь нужно... активно жить.

Беседу вела
Т. ПЕТРЕНКО.